



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 3, Pp. 695–719, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>




УДК / UDC 811.512.3

Некоторые фонетические особенности языка каракольских калмыков: 50 лет лингвистического изучения

Анна Владимировна Дыбо¹,
 Илья Александрович Грунтов²,
 Владимир Наранович Мушаев³

¹ Институт языкознания РАН (д. 1 стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующий отделом

 0000-0002-6077-7183. E-mail: [adybo\[at\]mail.ru](mailto:adybo[at]mail.ru)


² Институт языкознания РАН (д. 1 стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-3290-2725. E-mail: [altaica\[at\]yandex.ru](mailto:altaica[at]yandex.ru)

³ Калмыцкий государственный университет (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-8321-7667. E-mail: [mushaev_vn\[at\]mail.ru](mailto:mushaev_vn[at]mail.ru)

Some Phonetic Features of the Karakol Kalmyk Language: Fifty Years of Linguistic Study

Anna V. Dybo¹,
 Ilya A. Gruntov²,
 Vladimir N. Mushaev³

Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Philology), Head of Department

Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, Moscow 125009, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

© КалмНЦ РАН, 2025

© Дыбо А. В., Грунтов И. А., Мушаев В. Н., 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Dybo A. V., Gruntov I. A., Mushaev V. N., 2025

Аннотация. *Введение.* Каракольские калмыки — этническая группа ойратского происхождения, проживающая в Ак-Суйском районе Иссык-Кульской области Кыргызстана. Они являются потомками олетов, которые после подавления дунганского восстания 1881 г. перебрались на современные территории расселения. Язык каракольских калмыков утрачивается. *Цель статьи* — рассмотреть основные фонетические диагностические признаки, характеризующие диалект

каракольских калмыков, проживающих в Кыргызстане, в сравнении с другими калмыцкими и ойратскими диалектами и говорами. *Результаты.* Выявлены значения этих признаков на современном материале (собственном полевом материале авторов); проведено сопоставление с иногда противоречивыми описаниями, содержащимися в литературе. Установлен ряд фонетических распределений для действия правил переходов от общемонгольского состояния к состоянию, задокументированному для диалекта. Инструментальный акустический анализ в ряде случаев позволил подтвердить или опровергнуть слуховое впечатление различных исследователей диалекта. Классификационная специфическая близость диалекта к говору калмыков-цаатанов пока подтверждается по нескольким параметрам, но не находит подтверждения по некоторым другим; впрочем, окончательное решение может быть получено только после фонетического обследования других диалектов калмыцкого и ойратского языков по аналогичной признаковой матрице.

Ключевые слова: ойратская группа монгольских языков, диалекты, диалект каракольских калмыков, историческая фонетика, акустическая фонетика

Благодарность. Исследование выполнено в рамках реализации научного проекта РНФ «Электронный диалектологический атлас монгольских языков России: базисная лексика» (№ 23-18-00518). Авторы выражают благодарность всем носителям языка каракольских калмыков, работавшим с ними.

Для цитирования: Дыбо А. В., Грунтов И. А., Мушаев В. Н. Некоторые фонетические особенности языка каракольских калмыков: 50 лет лингвистического изучения // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 3. С. 695–719. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-695-719

Abstract. Introduction. Karakol Kalmyks are an ethnic group of Oirat descent inhabiting Ak-Suu District of Issyk-Kul Region (Kyrgyzstan). Those are descendants of Olots that migrated there after the Dungan Revolt of 1881 was suppressed. Nowadays, their native language is vanishing. *Goals.* The paper examines key phonetic diagnostic features characterizing the Karakol Kalmyk dialect in Kyrgyzstan — in comparison to other Kalmyk and Oirat dialects and subdialects. *Results.* The article reveals values of the features on the basis of present-day materials (the authors' own field data) and provides comparative insights into sometimes contradictory descriptions available in published works. It also specifies a number of phonetic distributions inherent to manifestations of sound change rules — from the common Mongolic state to the one documented for the dialect. In a number of cases, instrumental acoustic analyses made it possible to confirm or refute some auditory impressions of various dialect researchers. The specific classification proximity of the dialect to that of Tsaatan Kalmyks is confirmed for a number of parameters. However, any final conclusion can only be made after phonetic investigations of other Kalmyk and Oirat dialects through the use of a similar feature matrix.

Keywords: Oirat group of Mongolic languages, dialects, Karakol Kalmyk, historical phonetics, acoustic phonetics

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00518 ‘Digital Atlas of Mongolic Dialects in Russia: Basic Vocabulary’. The authors express their heartiest gratitude to all involved native speakers of Karakol Kalmyk.

For citation: Dybo A. V., Gruntov I. A., Mushaev V. N. Some Phonetic Features of Karakol Kalmyk: Fifty Years of Linguistic Research. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 18. Is. 3. Pp. 695–719. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-79-3-695-719



1. Общие сведения

Каракольские калмыки (самоназвание *сарт-калмак*, сарт-калмыки) живут в районе озера Иссык-Куль (кирг. *Ысык-Көл*) в Кыргызстане. По историческим данным, они переселились туда в XIX в. Относительно их происхождения существуют разные представления. По одним, это торгуты, которые по возвращении в Синоцзян с Волги кочева-

ли по реке Текес, а после Дунганского восстания (1861–1878) вышли на Нарин-гол, далее на Иссык-куль и Каракол (1881–1884) [Дондуков 1973: 165]. С другой стороны, в на основании сарт-калмыцкого предания [Бурдуков 1935] решительно утверждается, что это олеты, искони кочевавшие по рекам Чу и Текесу, и, вероятно, эти перекочевки могли включать и Каракол [Убушаев 2006:

38–40]. В настоящее время они являются мусульманами. Их численность составляет около 4–5 тыс. человек. Сарт-калмыцкими являются села Челпек, Таш-Кыя, Бурма-Суу и Берю-Баш в Иссык-Кульской области. Отношение сарт-калмыков к другим ойратам, особенно к калмыкам, разными специалистами оценивается по-разному. Например, Д. А. Павлов [Павлов 1990: 2] в очерке «Каракольские калмыки и их язык» утверждает, что характерные особенности их этнического самосознания, языка и фольклора свидетельствуют о былой общности с калмыками Поволжья, особенно с торгутами-цаатанами. В то же время Д. Сомфай-Кара упоминает, что преподавание литературного калмыцкого языка не прижилось у сарт-калмыков из-за сильного отличия диалекта (и кроме того, религиозных различий) [Somfai-Kara 2012: 202]. Б. Х. Борлыкова и Б. В. Меньяев полагают, что диалект сарт-калмыков наиболее близок языку олетов Синцзяна и цаатанскому подговору торгутского говора калмыцкого языка [Борлыкова, Меньяев 2020: 65].

Диалект сарт-калмыков близок к исчезновению. По данным 1999 г. [Somfai-Kara 2012: 201], свободно говорящими на языке сарт-калмыков были пожилые люди старше 80 лет, поколение 60-летних все еще понимало сарт-калмыцкий, но не использовало его. Основными языками общения в быту являлись киргизский и / или русский языки. Приблизительно так же можно оценивать ситуацию и в настоящее время.

В октябре 2024 г. делегация Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, помимо участия в официальных встречах с представителями научно-образовательных учреждений в г. Бишкеке и г. Караколе Иссык-Кульской области, посетила места компактного проживания каракольских калмыков. В селе Берю-Баш и в Челпековской сельской управе, куда входят села Бурма-Суу и Таш-Кыя, были организованы встречи с местными депутатами, представителями старшего поколения и молодежью, в ходе которых от 13 местных жителей с разным уровнем владения калмыцким языком были получены заполненные анкеты.

Для записи использовался стандартный список 200-словника Сводеша с контекстами. Информанты из сел Берю-Баш, Челпек, Бурма-Суу и Таш-Кыя, рожденные в период с 1934 г. по 1953 г. использовали каракольский калмыцкий язык для общения в быту, при этом они хорошо владели киргизским (также часто использовавшимся в бытовом общении) и русским языками.

2. Фонетические особенности языка сарт-калмыков в предшествующих описаниях и нашем полевом материале

По мнению большинства авторов, именно фонетические особенности языка сарт-калмыков позволяют выделить его как диалект калмыцкого языка, а не как говор.

Следует, однако, признать, что описания сарт-калмыцкой фонетики у разных авторов имеют некоторые отличия.

Самое раннее исследование собственно лингвистических данных по языку сарт-калмыков принадлежит У.-Ж. Ш. Дондукову [Дондуков 1973; Дондуков 1975]. Затем были опубликованы статья Э. Р. Тенишева [Тенишев 1976]; брошюра Д. А. Павлова [Павлов 1990], в основу которой легли материалы экспедиции 1982 г.; описание в монографии Н. Н. Убушаева [Убушаев 2006], также составленное по материалам экспедиции 1973 г.; описание в статье Д. Сомфай-Кара [Somfai-Kara 2012] по итогам его поездки в 1999 г. В 2014 г. было опубликовано очень краткое описание сарт-калмыков и их языка Р. Алимова [Alimov 2014]. Упоминается язык сарт-калмыков и в диссертации Аттилы Ракоша [Rákos 2015], основой которой послужили материалы, взятые из изданной литературы. В ней фонетическим различиям между диалектами ойратской группы монгольских языков не уделено особого внимания, так как они признаются нефонологическими. Однако диалектолог, пытающийся составить генеалогическую или даже количественную классификацию диалектов, не должен пренебрегать нефонологическими (аллофоническими) различиями, которые могут отражать вполне фонологические исторические процессы, к тому же для лингвиста продуктивнее при описании придерживаться идиом позиционной фонологии.

Новое и наиболее полное описание сарт-калмыцких фонетических особенностей находим в статье Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева [Борлыкова, Меняев 2020], написанной на основе собственных полевых материалов, собранных авторами в ходе экспедиций в Аксуйский район Кыргызстана в период с 2009 по 2017 гг. В ней исследователи сопоставляют их данные с данными из ранних описаний.

В настоящей работе нами приводятся фонетические признаки, которые в калмыцкой диалектологии принято считать различающими говоры и диалекты калмыцкого языка, и их значения для сарт-калмыцкого, представленные в работах предшествующих исследователей (табл. 1).

3. Обсуждение

Для калмыцких диалектов существуют обобщающие описания, позволяющие извлечь из них набор языковых различительных признаков, по которым конкретный идиом можно было бы отнести к тому или иному говору. Прежде всего это работа Н. Н. Убушаева [Убушаев 2006]. Мы воспользовались системой признаков, извлекаемой из данной монографии [Убушаев 2006], а для ойратских диалектов и говоров постарались извлечь сравнительные данные из работ Ж. Цолоо [Цолоо 1988], Ю. Цэндээ [Цэндээ 2012], С. Баттулга [Баттулга 2019], в основном посвященных языку ойратов Монголии. В работе Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева [Борлыко-

ва, Меняев 2020] изредка приводится полевой материал, собранный авторами по ойратским диалектам Синьцзяна.

Записанный нами материал далеко не полон, и все наши информанты продемонстрировали владение скорее херитажным языком. Однако некоторые существенные различия в работах наших предшественников можно прокомментировать. При исследовании произношения были использованы спектрограммы, полученные в программе для акустического анализа PRAAT¹.

3.1. Вокализм

3.1.1. Развитие конечных *i*-дифтонгов

Одной из важных характеристик диалектов ойратской группы принято считать стяжение прамонгольских дифтонгоидных сочетаний **ai*, **ei* в открытый *æ*: (*ə* в кириллической калмыцкой орфографии). На деле это один из основных признаков, различающих калмыцкие торгутский, дербетский и бузавский диалекты. Из данных, приведенных в исследовании Н. Н. Убушаева [Убушаев 2006: 79–80], можно составить следующую признаковую таблицу (см. табл. 2).

Насколько можно понять из работ У.-Ж. Ш. Дондукова и Д. А. Павлова, каракольский калмыцкий характеризуется в них так же (хотя у Д. А. Павлова имеется одно отклонение); и это один из трех фонетиче-

¹ PRAAT // URL: <https://praat.org/> (дата обращения: 15.08.2025).

Таблица 2. Развитие **ai* и **iua* на конце слова в калмыцких диалектах
[Table 2. Evolution of **ai* and **iua* in word endings across Kalmyk dialects]

	Перевод	Лит.	Торг.	Дерб.	Ики-дерб.	Буз.	Цаат.	Сарт. [Убушаев 2006]	Сарт. (ПМА)
<i>*ai#</i>	‘свинья’ ‘змея’ ‘голова’ ‘червь’ ‘собака’ ‘выходит’ ‘наш’ ‘много’	<i>haха:</i> <i>ноха:</i> <i>hарна:</i>	<i>haха:</i> <i>ноха:</i> <i>hарна:</i> <i>мана:</i> <i>дала:</i>	<i>haхэ:</i> <i>нохэ:</i> <i>hарнэ:</i> <i>манэ:</i> <i>далэ:</i>	 <i>мэнэ:</i> <i>дэлэ:</i>	<i>hэхэ:</i>	<i>hэхэ:</i>	<i>hэхэ:</i>	<i>пэхэ:</i> <i>тэхэ:</i> <i>толхэ:</i> <i>хорхэ:</i>
<i>*iua#</i>	‘курица’	<i>така:</i>	<i>така:</i>	<i>такэ:</i>		<i>тэкэ:</i>	<i>тэкэ:</i>	<i>тэкэ:</i>	<i>taka:</i>

* Презентное окончание **-nai* и претеритное **-bai* восстанавливаются для общеойратского состояния в соответствии с письменно-ойратскими формами *-nai* и *-bai*, см. [Яхонтова 1996: 85–86].

Таблица 1. Сводные данные по отличительным признакам сарт-калмыцкого¹
[Table 1. Summarized data on distinctive features of Sart-Kalmyk]

Фонетическое развитие общемонгольских форм	[Дондуков 1973]	[Тенишев 1975]	[Павлов 1990] (1982)	[Убушаев 2006] (1973)	[Somfai-Kaga 2012] (1999)	[Борлыкова, Меняев 2020]	Наш полевой материал (2016, 2024)
*Vɪ# (например: <i>arbai</i> 'ячмень': перешодит в долгий <i>ae</i> ; или в долгий заднерядный гласный	<i>арва</i> 'ячмень' (?) (как пример на <i>ae</i> , типогрф-ская ошибка?)		<i>гахэ</i> 'свинья', <i>угэга</i> 'бедный', <i>хөрмэ</i> 'подол', но: <i>ноха</i> 'собака'	«Старо-письменные дифтонги независимо от позиции в слове развились в гласный [э ~ ə], ср. <i>арва</i> 'овес', <i>хөрмэ</i> 'подол', <i>халэ</i> 'жесть'» [Убушаев 2006: 40]		<i>ноха</i> 'собака', <i>вахэ</i> 'свинья', <i>тоха</i> 'змея', <i>сарва</i> 'подумал', <i>жовна</i> 'идет', но <i>ärvä</i> 'просо'	<i>пэуа</i> : * <i>pokai</i> 'собака', <i>тэва</i> : * <i>mogai</i> 'змея', <i>тоба</i> : * <i>tolugai</i> 'толова', <i>хоруга</i> * <i>qogqai</i> 'червяк', <i>usöhta</i> : 'мокрый', <i>su.na</i> : 'сидит', <i>zo.xsuwa</i> : Т 'остановилась', <i>zo.xsuwa</i> : К 'стоит', <i>su.wa</i> : Т 'сел', <i>ugə, gə</i> К, А * <i>ügei</i> 'нет'
*ɪua#, результат стяжения	—	—	—	—	—	—	<i>taka</i> : 'курица'
VɥV (например: <i>ayaga</i> 'чашка') — каков результат стяжения?	<i>ба́на</i> 'находит-ся'	—	<i>бээнэ</i> 'есть', <i>ээмэг</i> 'аймаг', <i>чэ</i> 'чай' (<i>ča-yi</i> ?)	<i>э:he</i> 'чашка'	—	<i>áámtəg</i> 'аймак', <i>čä</i> 'чай', <i>sāän</i> 'хороший', <i>āārig</i> 'айран', <i>āāl</i> 'айи'	<i>sæ.n</i> 'хороший', <i>bæ.næ</i> 'есть', <i>su.ɬæne</i> : Я, Т 'сидит', <i>niskæne</i> : Т 'летит'
*(C)VCi(C) (например: * <i>toŋin</i> 'лошадь'), наблюдается ли умлаут (мена ряда) под влиянием следующего гласного	<i>äp</i> 'к'и 'водка', <i>mörn</i> 'лошадь'	<i>хөрэ</i> 'двадцать', <i>тэвэ</i> 'пятдесят'	<i>тэвэ</i> < <i>tabin</i> '50', <i>mөрүн</i> 'лошадь', <i>салькын</i> 'ветер', но: <i>такъм</i> 'подколенный стиг'	<i>кхурум</i> 'свадьба', но <i>такъм</i> 'подколенный стиг'	<i>mörġen</i> 'лошадь', <i>xōn</i> 'овца'	<i>ämtin</i> 'люди', <i>tävə</i> 'пятдесят', <i>ämsxəl</i> 'вздох', <i>äŋgə</i> 'часть', <i>ämtāxən</i> 'сладкий', <i>ärki</i> 'водка', <i>ävərtä</i> 'гневный', <i>äjt</i> 'яблоко',	<i>mörŋin</i> 'лошадь', <i>xōmŋə</i> 'баран-Асс', <i>tävə</i> '5', <i>ælimgə</i> К 'яблоко-Асс' (но <i>alimgə</i> Т)

¹ Здесь и далее все примеры приводятся в графике источников. Все примеры из ПМА приведены в транскрипции МФА. В данных из наших полевых материалов заглавной буквой обозначены фамилии информантов, при отсутствии обозначения данное произношение зафиксировано у всех информантов.

							<i>aitən</i> 'жизнь', <i>aitdə</i> 'живой', <i>ajxən</i> 'ладонь', <i>ädəl</i> 'похожий', <i>äñxə</i> 'закрывать глаза', <i>närin</i> 'тонкий', <i>xörü</i> 'двадцать', <i>mörün</i> 'лошадь', <i>bärxə</i> 'держать', <i>zäl/vərtä</i> 'молится', <i>takut</i> 'подколенный сгиб', но <i>ǰäkəlnä</i> 'сверкает'	
* <i>(C)jCV</i> и * <i>(C)ViCV</i> (новая перенная гармония по предшествующим <i>i, ə</i>)			<i>ə:he</i> 'чашка', <i>mə:inə</i> 'блеет'	<i>куру</i> 'иной', <i>бээнэ</i> 'имеется', <i>эмэг</i> 'аймак'			<i>хэйjүнä</i> 'гает', <i>täälhnä</i> 'снимает', <i>zäl/vərtä</i> 'молится'	<i>bə:nə:</i> 'есть', <i>su:ʒəne:</i> Я, Т 'сидит', <i>nistəene:</i> Т 'летит', <i>teoxteəwə:</i> 'сбил', <i>ʒäirən</i> '60'
* <i>(C)jCV</i> (перелом) (* <i>nidün</i> 'глаз' * <i>nigen</i> '1')	нет перелома, роль «и» сводится к палатализации предшествующего ему согласного звука: <i>нидун</i> 'глаза', <i>алчир</i> 'платок', <i>дэвил</i> 'шуба', <i>иуры</i> 'бусы', <i>тэргин</i> 'телега', <i>бичиг</i> 'письмо'	неполный перелом: <i>нидн</i> 'глаз', <i>негн</i> '1', <i>зырга</i> 'шесть', <i>йёсе</i> 'девять' (* <i>yisün</i>), но <i>шидн</i> 'зуб', <i>жире</i> '60', <i>куру</i> 'иной'	перелом: <i>негэге</i> 'одну', но <i>шиде</i> 'зубы'	перелом: <i>нидүн</i> 'глаз', <i>негэн</i> 'один', <i>ǰusun</i> 'кровь', <i>niilmən</i> 'слезы', <i>хитхи</i> 'нож', <i>ǰōdiir</i> 'пути', <i>ǰavər</i> 'глина' «В некоторых словах не наблюдается перелом „i“» [Борлыкова, Меньев 2020: 64]: <i>ǰire</i> 'шестьдесят', <i>ǰingün</i> 'жидкий', <i>ǰirvəl</i> 'счастье'	<i>nidün</i> 'глаз', <i>negən</i> 'один', <i>ǰusun</i> 'кровь', <i>niilmən</i> 'слезы', <i>хитхи</i> 'нож', <i>ǰōdiir</i> 'пути', <i>ǰavər</i> 'глина' «В некоторых словах не наблюдается перелом „i“» [Борлыкова, Меньев 2020: 64]: <i>ǰire</i> 'шестьдесят', <i>ǰingün</i> 'жидкий', <i>ǰirvəl</i> 'счастье'	<i>kʰimsōñ</i> Т 'ноготь' (* <i>kitmusun</i>), <i>kʰuto:</i> 'нож' (* <i>kituga</i>), <i>taxən</i> 'мясо' (* <i>mikan</i>), <i>cat</i> А, Т 'зажги' (* <i>sita</i>), <i>teʒsün</i> А, К, Т 'кровь' (* <i>ǰisun</i>), <i>nūdñ</i> 'глаз', <i>nefən, nefə</i> '1', но <i>eidən</i> 'зуб' (* <i>sidün</i>), <i>ʒäirən</i> Тек '60' (* <i>ǰiran</i>)		
* <i>(C)jCV</i> (перелом) * <i>sibahun</i>						<i>ǰolun</i> 'stone', <i>ǰowun</i> 'bird'.	<i>ǰolun</i> 'камень'	<i>ǰowun</i> Т 'птица', <i>teotin</i> К, <i>teotin</i> Т, А

‘птица’, čilahun ‘камень’	мөрн	Конечный e встречается после o, ə, e, u: dөрвө ‘четыре’, йёсе ‘девять’, йёре ‘девятьно- сто’, эчхе ‘отец’, эке ‘мать’, жире ‘шестьде- сят’, чйче ‘правнук’ [Тенишев 1976: 84].	ээжи ‘бабушка’ эгчи ‘сестра’ эчхе ‘отец’ эне ‘этот’ тере ‘тот’ йесе ‘девять’ хөре ‘двадцать’ хөрүн ниген ‘двадцать один’	«Лабialsые гласные в не- первых (вто- ром, третьем) слогах, если в первом слоге имеется лаби- альный [o, ə, y, ʉ] гласный» [Убушаев 2006: 40]: сүкү ‘топор’, үкүр ‘корова’, өөсүн ‘трава’, төмүр ‘желе- зо’, үвүлзүн ‘зимо- вье’, үчү ‘шуба’, мөсүн ‘лед’	«Лабialsые гласные в не- первых слогах, если в первом слоге имеется лабиальный [o, ə, y, ʉ, ɔ, ʏ, ǝ] гласный» [Somfai-Kara 2012: 202]. э, ə, ʉ, ɔ, ʏ, ǝ	Правило не обобщает- ся.	«Гласный ü встречает- ся во всех слогах слова»: küükün ‘девочка’, nüümsən ‘слезы’, üüdü ‘дверь’, üülin ‘облако’, üüzüg ‘буковка’, üüdi ‘обед’, üüsin ‘молоко’, üüngün ‘лиса’	‘камень’, zigkan ‘6’ (*jiguhan) qazər ‘земля’ (*gajar), narən К ‘солнце’ (*narən), tawən ‘5’ (*tabun), teasən ‘снег’ (*časJan), ełəkə ‘отец’ (*ečige), ekə ‘мать’ (*eke), ukūr ‘корова’ (*hüker), önvün ‘трава’ (*ebesün), gürwön ‘3’ К gürwə, gürwön Т ‘3’ (*gurban), tósön А, Т, tósön К ‘жир’ (*tosun), хојој ‘2’ К, хојој Т ‘2’ (*koуar) (но хар А, К, Т, ‘чер- ный’, eat, eatə А, Т ‘зажги’ (*sita)) tósön А, Т, tósön К ‘жир’, хојој К, хојој Т ‘2’, ukūr ‘корова’, önvün ‘трава’
(C)VCVC(C), характер огу- бленных реду- цированных — бывает ли широ- кий огубленный рефлекс (*moгin ‘ло- шадь’)	мөрн	«Широкие огубленные воз- можны и в не- первых слогах: өлкө ‘дедушка’, өөрчө ‘грудь’, мөңгөн ‘сереб- ро’» [Тенишев 1976: 84].	а) олон ~ олун ‘много’ мөңгөн ~ мөңгүн ‘серебро’ одон ~ одун ‘звезда’ өмнө ‘впереди’, өбкө ‘дед’, босго ‘косяк’, бөлө ‘двоюрод- ный брат’.	V > ʉ, ɔ, ʏ, ǝ примеры – только узкие hurwу ‘три’, үвүл ‘зима’, үмсүн ‘зола’, жүрүм ‘свадь- ба’	«The short vowels of the non-initial syllables are reduced but not as much as in the lji-l- xal’mg dia- lect, e.g. mörün / mörən	«Гласный ö встречает- ся только в первом слоге слова. В не- первых слогах слова гласный ö не встре- чается» [Борлыкова, Меняев 2020: 61]		

			авдър 'сундук', санва 'думает', но аб 'возьми', кеб 'колодка', таб 'положи', табчэк ~ тэлчэк 'положи', зөлтә 'положенный', таб ~ тоб 'междоиметие', өпчанә 'болит', би келүб ~ келүв 'я сказал'	w (на конце или перед глухой согласной может переходить в р). Нередко сохраняется как [b]» [Убушаев 2006: 41]: кеб 'колодка' аб- 'брат', тэб- 'положить', тэбчике ~ тэлчике 'положить', зөб 'согласие', ебдкер 'боль', би келүб 'я сказал'		аавә 'дедушка', авдәр 'сундук', зәлчәтә 'молится', шивәр 'пот', тавәг 'блюдо', завәг 'деталь юрты', санва 'подумал', devskär 'подстилка для скота', devxә 'пинать', tebkә 'кобылка', täbčkә / täpčkә 'положи', керddäk 'лежащий', zäb-zör 'правильный', zörтә 'положенный', örsänä 'болит', körsčk 'подстилка под седло', ab 'возьми', imäb 'приду', täb 'положи', bi kelüb 'я сказал'	awɨa: 'жена' (*abagai), ap 'возьми' (*ab), örtәnә 'болит', örtәу: 'грудь' (*ebčihü(n))
b перед носовыми			йомна 'придет', тәмнә 'кладет'			jomna 'идет', tämnä 'кладет', amna 'берет', но azär jomnav 'сейчас придет'	jowna: A, T 'ходит'
*ç: возникает ли оппозиция между шипящей и свистящей аффрикатами (*çagahan 'белый',	«Из-за отсутствия перелома и произношение многих слов остается таким же, как в древнемонголь-	ч сохраняется всегда, кроме 3 случаев: билчг 'кольцо' цугла 'портянки' инчхана 'ржет'	отсутствие согласного [ц] и повсеместное употребление аффрикаты [ч], например, чаһа:н 'белый', чэвәр 'чистый',	«The affricate č is usually pronounced č in that dialect. The separation of c / č	çag 'время', çäkәldәk 'прис', çä 'чай', хурçә 'острый', çäkәlnä 'сверкает', çevәр 'чистый', ханçта 'с рукавом',	çagap 'белый' (*çagahan), çәvәr 'кровь' (*čisun), çәsәp 'снег' (*časun)	

*čag 'время'	ском» [Дондуков 1973: 168]: чирай 'лицо' («по-цельпекски»)		часын 'снег', чаг 'время', чэку:р 'кремень', чокна: 'бить', чуha:р 'все', чугылрхы 'собираться', чарча 'саранча'	<i>is not so evident as in other Oirad dialects, e. g. čaγūn 'white', časān 'snow' » [Somfai-Kara 2012: 202].</i>	časə 'сани', časap 'белый', čegān 'прозрачный', čāārān 'дальше', čukaj 'вместе', časəp 'снег'	
*j: позиции палатализации и депалатализации	Аффрикаты dz, ɟ, ɟʰ, dʒ соответствуют современным монгольским и киргизскому языкам	журе '60'		«The separation of /j/ is common but as in other Oirad dialects /j/ is pronounced as z, e. g. zurγū 'six' » [Somfai-Kara 2012: 202]	zatə мужчина, zo:χsunwa: Т 'остановилась', zo:χsunā: К 'стоит', zurγap '6', zʏrkyn 'сердце' (*žurike), dʒairən '60'	
jɪV: переход в [j] (*jigasun 'рыба')		йокчана 'стоит', йаһсын 'рыба'	йокчана 'стоит', йаһсын 'рыба'		ja:sən 'рыба'	
liV, niV (maliya 'плеть', sonin 'новость, интересный'); переход в [j]		майа 'плетка', а́йа 'балованный', ай'ын 'переметная сумка', той' 'зеркало', суй' 'овес', дойна 'меняет', сойун 'интересный', уйун 'шест'	майа 'кнут', сойна 'менять', сойун 'интересный', уйун 'шест', мэ:йнэ 'блеет', той 'зеркало'		ajm 'яблоко', maja 'кнут', sojna 'менять', uijna 'плачет', mājīnā 'блеет, мяукает'	toja 'зеркало' (*tolui), sojən 'интересный' (*sonin)

Спорадический переход начального $l > [j]$			явишг 'халат' вместо лавишг	javšik 'халат'	
<p>*k в заднерядном вокалическом окружении</p> <p>а) «Увулярный смычный глупый кь»: зокья 'сметана', нокья 'собака', кьяра 'ворона', кьяра 'ворона', бука 'бык'; в) «Глубоко-заднеязычная аффриката кх, смычная часть которой артикулируется неясно, образуется в результате одновременного действия спирации и смычки более дальнего участка задней части спинки языка с мягким небом. С заднерядными гласными, кхонь 'овца', кхојур '2', кхазыр 'земля', кхупчу 'одежда', кхазар 'уздечка', макхын 'мясо', кутху 'нож'» [Дондуков 1973: 167]</p>	<p>Смычный к может быть и в начале, и в середине слов между гласными, и в конце слов: қалмақ 'калмык', қира 'ворона', ноқа 'собака'</p>	<p>а) тақым 'подколенный стиг', бақырсын 'вид козла', мақыр 'кривой', сақна 'посвящать себя', туқрна 'натравливает', шарқна 'ноет, ломит'; б) кх- в мягкорядных и твердорядных словах в начале слова: кхурум 'свадьба', кхулчун 'одежда'</p>	<p>а) «В их языке сохранились следы заднерядного варианта гласного [и]. Например, такым 'подколенный стиг', бакырсын 'небольшой котел', макыр 'кривой', сакна: 'следить, выжидать', тужырна: 'направлять, наускивать'» [Убушаев 2006: 41]; б) аффриката [кх]. кхурум 'свадьба', кхулчун 'одежда', кхутху 'нож'</p>	<p>а) «Согласная k имеет также твердый оттенок: takum 'подколенный стиг', šarkalna 'ноет, ломит'; б) «в записанных полевых материалах авторов аффрикат kx в языке сарт-калмыков не зафиксирован (xürüm 'свадьба', xüršin 'одежда' и др.)» [Борлыкова, Меньяев 2020: 64]</p>	<p>пэха 'собака' (*pokai), тоҕа: 'голова' (*tolugai), хорҕа: 'червяк' (*korkai), хатан, qatən 'теплый' (*kalahun), сәп kʰitʰo: А 'хороший нож' (*kituha) kʰimsɔj Т 'ноготь' (*kimusun), taka: 'курица' (*takiya)</p>

*k в переднерядном окружении	о́кер 'корова', к'эл'и 'язык', кел 'нога'						хəŋɥə 'баран-Асс' (*kōŋi), kʰɪŋ 'холодный' (*kōji-ten, калм. kītŋ), kʰəl, kʰəlɪŋ 'нога' (*kōl), kʰel, kʰelɪŋ 'язык' (*kilen), ekə 'мать' (*eke), ukɪŋ 'корова' (*hüker)
g в заднерядном окружении	гъ — увулярный щелевой: гъуѵур 'мука', гъесун (опечатка?) 'сапоги'	«Щелевой g ... встречается и в начале слов и между гласными, а также между сонорными и гласными» [Тенишев 1976: 84]: гуи 'бедро', гурву 'три', гуччу 'тридцать', мантаган 'с нами', тантаган 'с вами', зырга 'шесть', арнургун 'спина', толг 'а 'голова'	Увулярный h в начале слова — смычный, в середине слова — щелевой			«Увулярная согласная le соединяется в начале слова, в середине слова открытая» [Борлыкова, Меньяев 2020: 63]	qar 'рука' (*gar), qurwop 'з' (*gurbap), qazar 'земля' (*gazar), ɬəvān 'белый' (*ɬaga-han)
Оглушение *g в сочетании с сонантом	-	-	-	Н. Н. Убушаев отмечает для бузавского диалекта	-		toɬa 'голова' (*tolugai), xorɣa 'червяк' (*korɣai)

ских признаков, по которым Н. Н. Убушаев решительно сближает каракольский диалект с диалектом калмыков-цаатанов.

Но наш материал не подтверждает оба типа различий. Все три проанализированных информанта неизменно выдавали характерное для калмыков-торгутов развитие **ai#*, **iya#* > [a:] и, соответственно, при отсутствии позиции отсутствие упреждения первой гласной (см. рис. 1, 2, 3). Это касается как словарных форм исконно двусложных и трехсложных имен (*ноха*: ‘собака’, *тоха*: ‘змея’, *толха*: ‘голова’ < **tolugai*, *хорха* ‘червяк’, *така*: ‘курица’), так и комитативного суффикса **-tAi*: *usonta*: ‘мокрый’ — и презентного ойратского показателя **-nAi*: *si:na*: ‘сидит’, *зохсина*: ‘стоит’. Такое развитие характерно и для большинства ойратских диалектов Монголии (см. табл. 2а).

Специфическое развитие показывает отрицательный предикат **UgAi* ‘нет’ (калм. лит. ‘уга’): по-видимому, конечная долгая гласная подверглась губному сингармонизму, после чего начальный узкий выпал; в результате все 4 произнесения всеми информантами выглядят как [gə] (сокращение, видимо, вследствие грамматикализации).

Н. Н. Убушаев отмечает интересное развитие глагольной формы презенса *су:жэ:на:* ‘сидится’: в цаатанском подговоре — *су:жэ:на:*, *йовжэ:на:*, *суржэ:на:* «с заменой первого [э:] на нейтральный долгий [и:], ‘примиряющий’ две разные системы гласных в одном слове» (лит. *су:жэ:на:*, *зогсэ:на:*, *харча:на:*). В нашем материале, зафиксированном от каракольских калмыков, это единственный тип основ, в котором мы видим *-æ:* в соответствии с праязыковым **-ai#*, при этом форма не совпадает с указанной цаатанской; это *su:ɬæ:næ:* ‘сидит’, *nistæ:næ:* ‘летит’

(**sahu-ǰAi-nAi*, **unis-ǰAi-nAi*). Вероятно, здесь рефлекс первого дифтонга обусловлен его внутренней позицией в слове, а конечный гласный развивается сингармонически под его влиянием. Похоже, что именно такие формы обусловили не вполне точное описание каракольско-калмыцкой ситуации у предшественников; ср., впрочем, отклоняющуюся от нашего правила форму *ärvä* ‘просо’ в [Борлыкова, Меньев 2020: 60].

3.1.2. Развитие сочетания **ayı*

Внутреннее сочетание **ayı* в каракольском калмыцком стандартно развивается в *æ:*, вызывая упреждение последующих гласных (рядный сингармонизм): [sæ:n] ‘хороший’ < **sayın*, [bæ:næ] ‘есть’ из общеойратского **bayınai*. Такое же развитие наблюдается во всех ойратских диалектах Монголии (дербеты, торгуты, захчины, хотоны, олетский, урянхайцы, байты *sān*, олеты *sāŋ*) [Цолоо 1988: 741; Баттулга 2019: 330], *bä:gü:lä:l* ‘организация’ (во всех ойратских диалектах Монголии) < *bayıyulal* [Цолоо 1988: 88]. Однако **ayı* > *a:* в торгутском, донском подговоре дербетского калмыцкого, бузавском [Убушаев 2006: 84] (см. рис. 4, 5).

3.1.3. Упреждение перед **i*

Описываемое предыдущими исследователями действие «ойратского умлаута», то есть упреждение гласной слова перед «нейтральной» **i*, а также перед вновь развившейся *æ*, наблюдается и в нашем материале (см. табл. 3).

То, что находится в нашем материале, соответствует распределению, вырисовывающемуся в этой таблице для сарт-калмыцкого (и соответствующему цаатанскому): *taka*: ‘курица’ (< **takiya*), *тохтэwæ:* ‘срубил’ (< **čoki-ǰi-bAi*), т.е. без умлаута

Таблица 2а. Развитие **ai* и **iya* в ойратских диалектах Монголии [Баттулга 2019; Цолоо 1988]

[Table 2a. Evolution of **ai* и **iya* in Oirat dialects of Mongolia]

		олет. [Баттулга 2019]	дзах.	торг.	урян.	дерб.	байт.	хотон.
<i>*ai#</i>	‘собака’	<i>ноха:</i>	<i>нохо:</i>	<i>нохо:</i>	<i>нохо:</i>	<i>нохо:</i> <i>ноха</i>	<i>ноха:</i>	<i>ноха:</i>
	‘свинья’	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i> <i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>	<i>хаха:</i>
<i>*iya#</i>	‘курица’	<i>taka</i> [Баттулга 2019], <i>taka:</i> [Цолоо 1988]	<i>така:</i>	<i>taka:</i>	<i>taka:</i>	<i>takā</i>	<i>taka:</i>	<i>taka:</i>

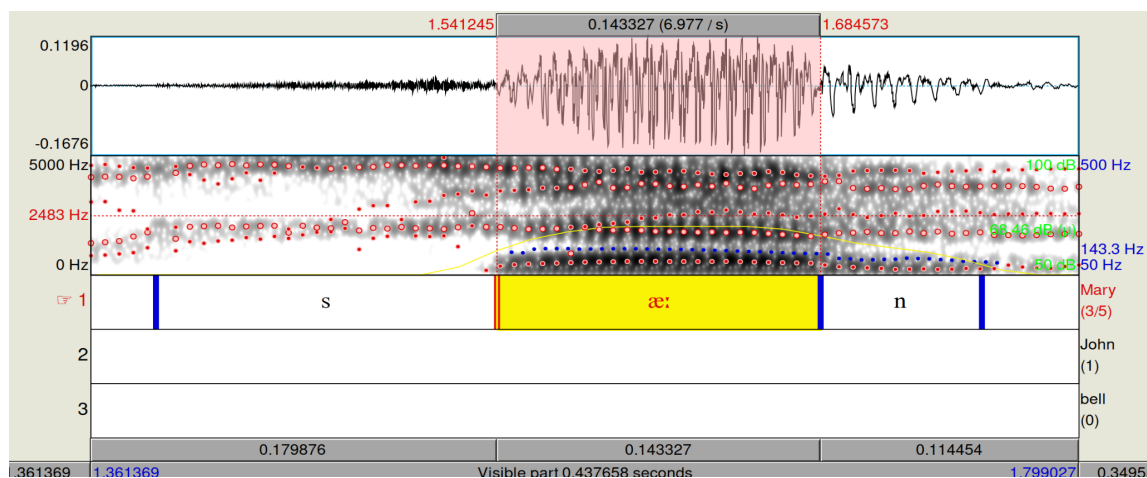


Рис. 4. *sæ:n* 'хороший'
[Fig. 4. *sæ:n* 'good']

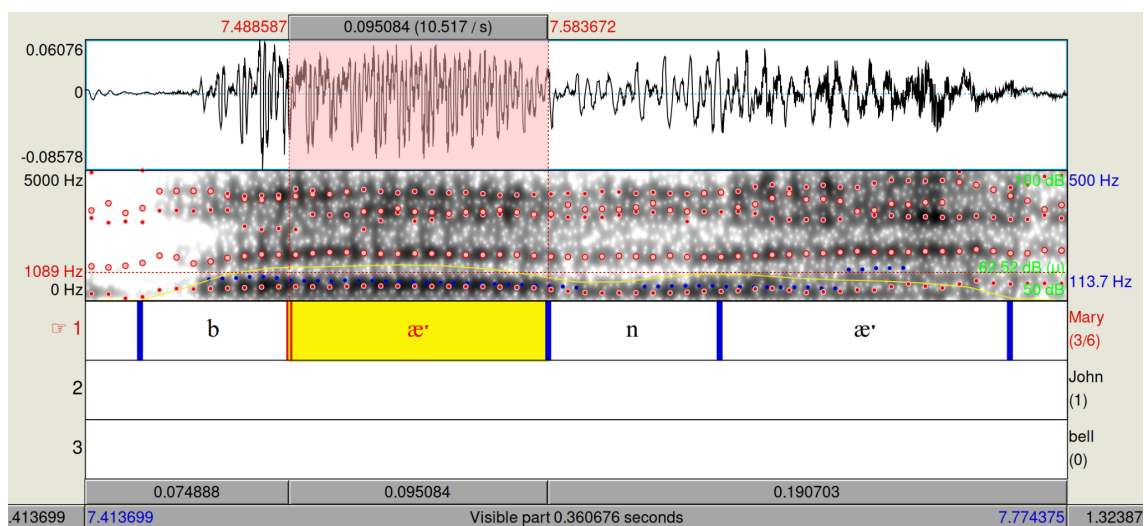


Рис. 5. *bæ-næ* 'есть, имеется'
[Fig. 5. *bæ:næ* 'be; have got']

Таблица 3. «Ойратский умлаут» в калмыцких диалектах (по: [Убушаев 2006])

[Table 3. «Oirat umlaut» in the Kalmyk dialects]

Перевод		Лит.	Торг.	Дерб.	Ики-дерб.	Буз.	Цаат.	Сарт.
‘подколенок’	*VKi *takim		такым	тәкем	тәкем		такым	такым
‘ветер’	*VRKi *salkin	салькын	сэлкен	салькын	салькын		сэлкен	
‘лошадь’ ‘овца’	*VRi *morin *konin	мөрөн	мөрөн хөөн	мөрөн хөөн~хөн		морын хоонь		мөрөн

при заднеязычном перед умлаутизирующей гласной, но с умлаутом при прочих согласных: *mörŋ* ‘лошадь’, *xöŋ-gə* ‘баран-Асс’, *elŋm-gə* ‘яблоко-Асс’ (один раз встречено *aŋm-gə* Т), *tæwə* ‘50’ (< **tabin*). В материале [Борлыкова, Меняев 2020] этому распределению соответствуют почти все формы, включая *takum* ‘подколенный сгиб’, но противоречит один пример: *čäkəlnä* (калм. лит. *цəклнə*) ‘сверкает’, **čäki-l-l*¹. В ойратских диалектах Монголии мы видим следующую ситуацию (см. табл. 3а).

В этих данных можно усматривать систему, похожую на сарт-калмыцкую, в хотонском, баитском и торгутском — с отсутствием умлаутизации перед заднеязычным и ее бесперебойным наличием при других согласных.

3.1.4. Перелом *i

Что касается перелома *i первого слога, то в наиболее ранней работе Дондукова вообще отрицается перелом в сарт-калмыцком. Однако начиная с Э. Р. Тенишева все пишут о неполном или нерегулярном переломе. Эти различия не могут быть

¹ Еще один пример, *äxər* (калм. лит. *axər*, олёт. *äxər*) ‘короткий’ [Борлыкова, Меняев 2020: 60] не поддается интерпретации: письменномонгольская форма этого прилагательного *aqur*, письменная ойратская *aqar* [Цолоо 1988: 24], в ойратских говорах Монголии в [Цолоо 1988: 24; Баттулга 2019: 169] только заднерядные формы, без следов умлаута.

обусловлены временем обследования: полевые записи Дондукова, Э. Р. Тенишева и Н. Н. Убушаева проводились в одном и том же году. Наш материал дает довольно четкую систему (по-видимому, соответствующую тому, что описывалось Э. Р. Тенишевым, Д. А. Павловым и Н. Н. Убушаевым): перелом происходит в заднерядных словах при любой начальной согласной, кроме *j-; в переднерядных — при любой начальной согласной, кроме *s- (т. е. *с*-). Ср., с одной стороны, *k^humsōŋ* ‘ноготь’ Т (**kimusun*), *k^hutxo*: ‘нож’ (**kituga*), *maχən* ‘мясо’ (**mikan*), *eat* ‘зажги’ А, Т (**sita*), *təvšün* ‘кровь’ А, К, Т (**čisun*), *niydŋŋ* ‘глаз’ (< **nidün*), *n^heγən* ‘один’ (< **nigen*); с другой — *čirən* Тек ‘60’ (< **jiran*), *eidən* ‘зуб’ (**sidün*). При этом если вторая гласная долгая (вследствие стяжения комплекса с *h), то перелом происходит при любой начальной согласной: *əwōŋ* Т ‘птица’ (< **sibahun*), *təolún* К, *təólōŋ* Т, А ‘камень’ (< **čilahun*), *zurvan* ‘6’ (**jirguhan*). То же распределение извлекается как будто из материала Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева (см. табл. 1).

3.1.5. Редуцированные непервого слога

Характер рефлексов непервых кратких гласных для каракольского калмыцкого описывается в основном как «несколько

Таблица 3а. «Ойратский умлаут» в ойратских диалектах Монголии
(по: [Цолоо 1988: 800, 803, 639, 454])

[Table 3a. Oirat Umlaut in Oirat Dialects of Mongolia]

Перевод		Олет	дзах.	торг.	урян.	дерб.	баит.	хотон.
‘подколенок’	*VKi *takim	<i>täkim</i> , <i>takām</i>	<i>täkim</i> , <i>takām</i>	<i>takām</i>	<i>täkim</i> , <i>takām</i>	<i>takām</i>	<i>takām</i>	<i>takām</i>
‘кожемялка’	*VRKi *talki	<i>talkä</i>	<i>tälkä</i> , <i>talkä</i>	<i>tälkä</i> , <i>talkä</i>	<i>talkä</i>	<i>talkä</i>	<i>talkä</i>	<i>talkä</i>
‘лошадь’	*VRi *morin	<i>mörōŋ</i> , <i>mör</i>	<i>mörōŋ</i> , <i>mör</i>	<i>mörōŋ</i>	<i>mörōŋ</i> , <i>mör</i>	<i>morŋ</i> , <i>mör</i> , <i>mörōŋ</i>	<i>mörōŋ</i>	<i>mörōŋ</i>
‘овца’	*konin	<i>hö</i> : [Бат- тулга 2019: 396]	<i>xö</i> :, <i>xö:n</i> , <i>xö:nä</i>	<i>xö:nä</i>	<i>xö:nä</i> , <i>xö:n</i>	<i>xö:n</i> , <i>xö</i> :, <i>xoen</i>	<i>xö:n</i>	<i>xö:n</i> , <i>xöi</i>

более четко артикулируемые редуцированные». Действительно, анализ показывает, во-первых, в данном случае сверхкраткие гласные (в полтора-два раза короче обычных гласных 1-го слога). Во-вторых, эти редуцированные получают огубленность, если предшествующая гласная огубленная. Таким образом в говоре, в отличие от литературного калмыцкого, где различаются редуцированный заднего ряда (ə), переднего ряда (ə) и восходящий к *i (i), имеются еще две огубленные гласные — *ū* и *ȳ*. Огубленные и неогубленные редуцированные непервых слогов после губной первой гласной выделяются и в говорах ойратов Монголии, ср.: ‘корова’: *ūküř* (дерб.,

торг., олет., урян., баит., хотон.), *ūkīr* (дзах., урян.), *ūkkūr* (дзах.) [Цолоо 1988: 884; Цэн-дээ 2012: 34, 41].

Упоминания авторов о наличии широких огубленных редуцированных (обычно варьирующихся с узкими), возможно, связаны с тем, что качественно эти гласные сдвинуты из верхнего подъема к среднему (как это свойственно всем редуцированным). Конечная краткая в двусложном слове, видимо, полностью исчезает спорадически: *χar* ‘черный’ А, К, Т (**kara*); *εat*, *εatə* ‘зажги’ А, Т (**sita*); *ekə* ‘мать’ (**eke*); непервые гласные в закрытом слове обычно не исчезают (см. рис. 6, 7, 8, 9, 10).

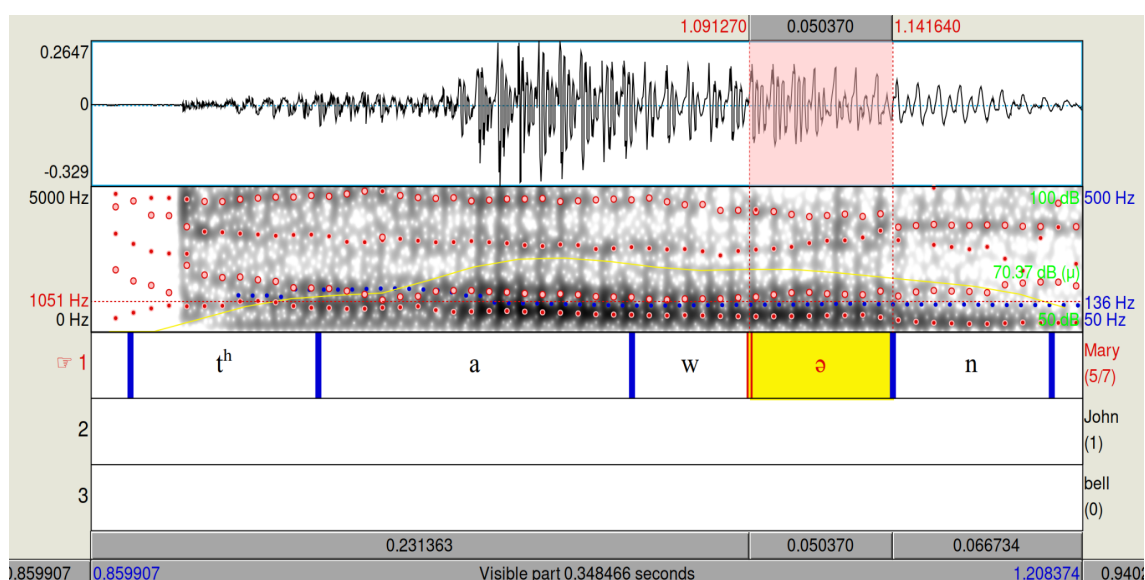


Рис. 6. *ṭʰawən* ‘пять’
[Fig. 6. *ṭʰawən* ‘five’]

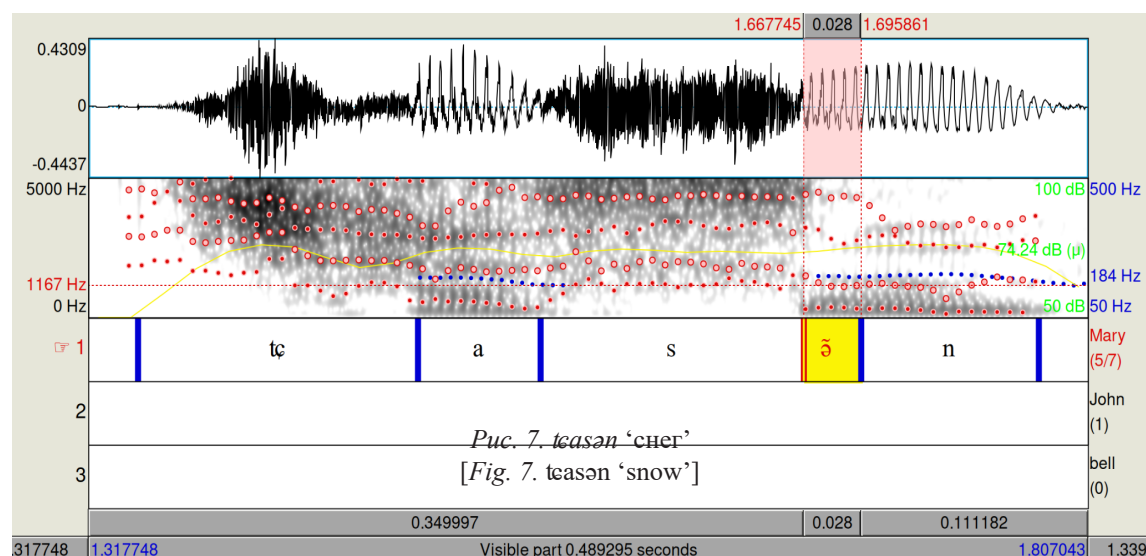


Рис. 7. *ṭcasən* ‘снег’
[Fig. 7. *ṭcasən* ‘snow’]

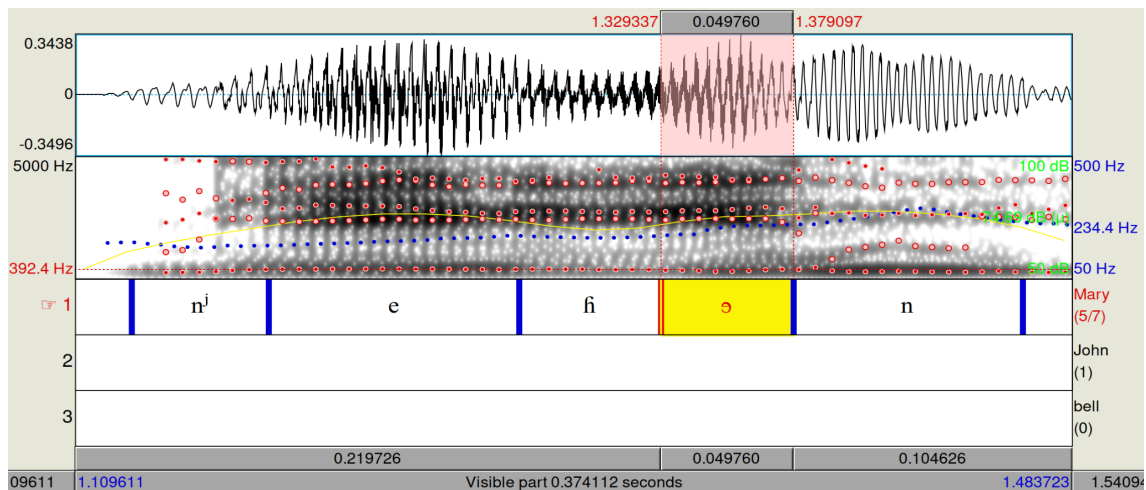


Рис. 8. *niehən* 'один'
[Fig. 8. *niehən* 'one']

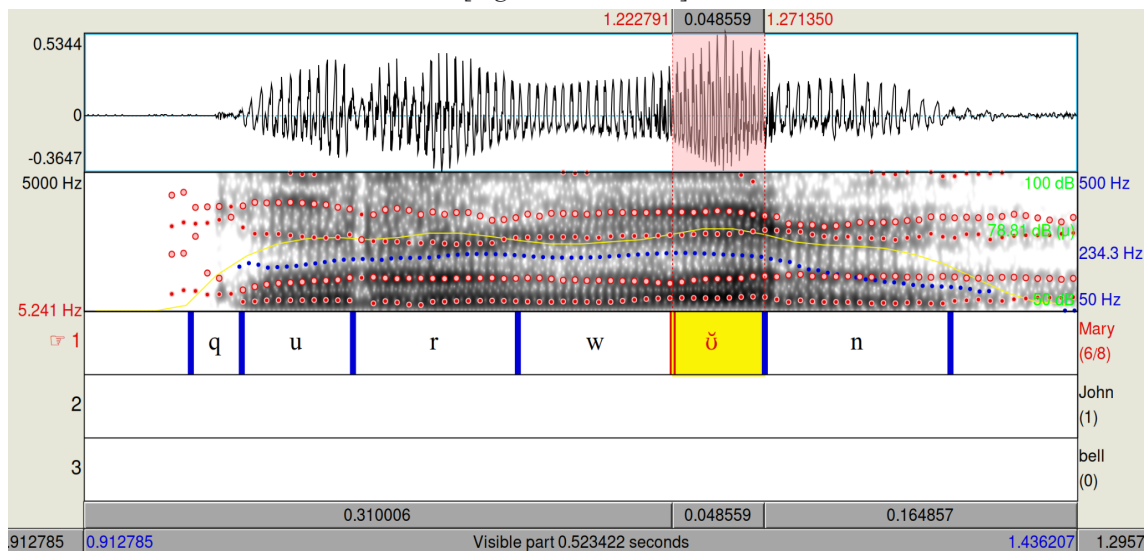


Рис. 9. *qurwon* 'три'
[Fig. 9. *qurwon* 'three']

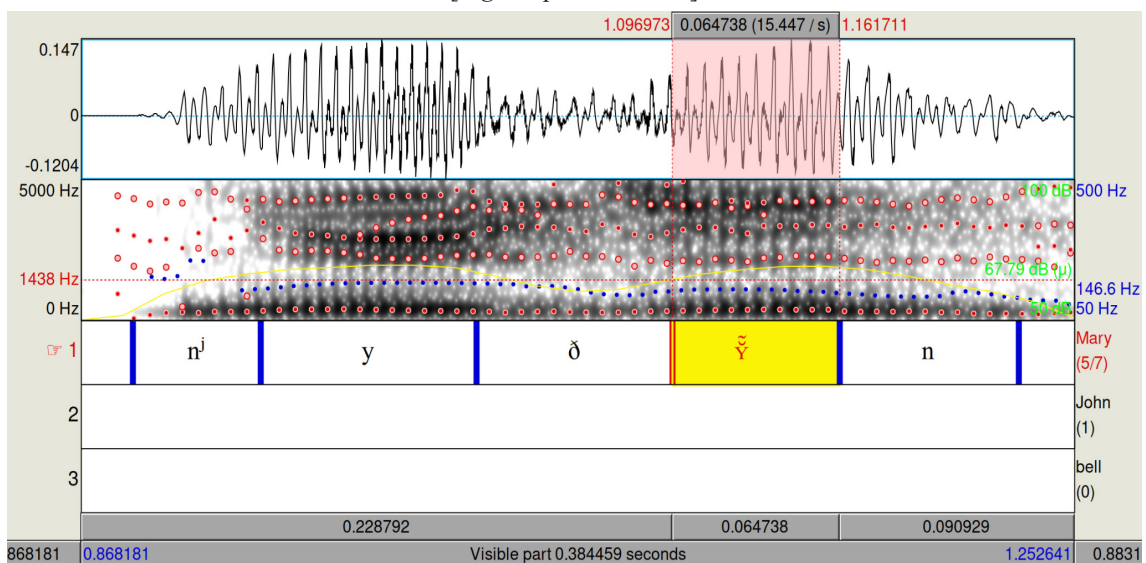


Рис. 10. *nʲəδʲn* 'глаз'
[Fig. 10. *nʲəδʲn* 'eye']

3.1.6. Редукция долгого огубленного в непервом слоге

Специфической характеристикой сарт-калмыцкого является также редукция долгого огубленного в непервом слоге в сонантном (скорее, пресонантном, по примерам) окружении¹ (и, по-видимому, после сонанта на конце слова), ср. *zálə* ‘мужчина’ (< **jalahu*), *qχatəp* ‘теплый’ (< **kalahun*), *əwəŋ* Т ‘птица’ (< **sibahun*), *teolún* К, *teóvŋ* Т, А ‘камень’ (< **čilahun*). Аналогичное явление нам удалось встретить у олетов Монголии, см. олетские формы *šobŋŋ* (и с дальнейшим стяжением *šu:*) ‘птица’ < **sibahun*), *url* ‘губа’ < **uruhul* [Баттулга 2019: 25, 34]. Формы *urŋl*, *urŋl* фиксируются также у прочих ойратских народностей Монголии [Цолоо 1988: 876]. В материалах Б. Х. Борлыковой и Б. В. Меняева редуцированные специально не отмечаются, но редукцию по подобному правилу можно видеть в форме *zaly* (калм. лит. *залу*, олет. *zaly*) ‘сын, мужчина’ с «неогубленной краткой фонемой у среднего ряда» [Борлыкова, Меняев 2020: 61] (см. рис. 11, 12).

3.1.7. Отсутствие «оканья»

Как и отмечено у Д. А. Павлова и Н. Н. Убушаева, в отношении поведения общекалмыцких рефлексов **и*, **й* перед губными согласными, сарт-калмыцкий ведет себя так же, как торгутский, но не как дербетский и бузавский, т.е. они не переходят в *о*, *ö* соответственно: *kʰumsŋ* ‘ноготь’ Т (**kimusun*), *umsŋ* ‘зола’ Т (**hünesün*). В ойратских диалектах Монголии по [Цолоо 1988; Баттулга 2019] также не наблюдается подобного оканья.

3.1.8. Переход **i* > *о* перед долгим губным гласным из сочетания **ahu*

Н. Н. Поппе указывает, что в письменном ойратском рефлекс сочетания **ahu* выписывается как *ои*, и, видимо, из-за этого *о* (первого элемента дифтонга?) в калмыцком результат перелома **i* в первом слоге — *о*, а не *и* [Poppe 1987: 41–42]. Данный параметр

не обсуждается в работах предшественников (во всех калмыцких диалектах картина единообразна), однако ойратские идиомы дают разные рефлексy. Ср. *əwəŋ* Т ‘птица’ (< **sibahun*), *teolún* К, *teóvŋ* Т, А ‘камень’ (< **čilahun*) в нашем материале, но у олетов, дзахчинов, урянхайцев и торгутов Монголии *tšulu:n* [Цолоо 1988: 865] при олетской форме *tšolu:ŋ* в [Баттулга 2019: 25], у дербетов, баитов, хотонов *tšolu:n* и вариант с кратким вторым гласным у дербетов и дзахчинов: *tšolun* [Цолоо 1988: 865]. Ср. также олетскую форму *šobŋŋ* (кириллицей при этом написано *шовун*), *шуу* *šu:* ‘птица’ [Баттулга 2019: 25].

3.2. Консонантизм

3.2.1. Поведение рефлексов **b*

Здесь сарт-калмыцкий ведет себя так же, как бузавский диалект калмыцкого и оренбургский подговор торгутского калмыцкого, согласно описаниям. В интервокальной и постсонантной позициях, а также перед звонкой согласной **b* выступает как губно-губной щелевой или глайд (*tʰawəp* ‘5’, *əwəŋ* ‘птица’, *qurwəŋ* ‘3’, *awka:* ‘жена’ (**abagai*)); в начале слова — как звонкий взрывной (*bæ:næ:* ‘есть’; во фразовой позиции после последней гласной предшествующего слова возможно *wæ:næ* ‘есть’); перед глухой согласной и на конце слова — как глухой (*ap* ‘возьми’, *örčənə* ‘болит’, *khepčənə* ‘лежит’, *örteu:* ‘грудь’ (**ebčihü(n)*)). Не подтверждается в нашем материале переход *b* > *m* перед носовой согласной: *jowna:* ‘ходит’ А, Т. Практически все предшественники упоминают этот переход, в том числе в [Борлыкова, Меняев 2020: 63] *jotna* ‘идет’, *tämnä* ‘кладет’, *atna* ‘берет’, но ср. у них же на с. 60 *azər jownav* ‘сейчас придет’. Ни разу не встретился нам этот переход и при прослушивании сарт-калмыцких записей на сайте Австрийской академии наук «Vanishing languages and cultural heritage» [Karakol Kalmyk]. У ойратов Монголии такой переход отмечен в дербетском диалекте [Цолоо 1988: 518].

3.2.2. Сохранение **č*-

Характерной особенностью диалекта, связывающей его внутри калмыцкой диалектной системы с цаатанским, является сохранение **č*- перед любыми древними гласными, отсутствие перехода в *ts* в не-

¹ Ср. [Убушаев 2006: 40]: “Интерконсонантный, интерсонорный гласный проявляет себя как редуцированный гласный, напр., *хэрлнэ:* в.м. торг., дерб. *хэрү:лнэ:* ‘пасти’; *сарыл* в.м. торг., дерб. *сарү:л* ‘светлый’; *бэрел* в.м. торг., дерб. *бэрү:л* ‘ручка, держалка’; *күмнэ:* в.м. дерб., торг. *күмү:нэ:* ‘чужой, человеческий’; *хадыр* в.м. торг., дерб. *хаду:р* ‘серп’, *чэкер* в.м. торг., дерб. *цэку:р* ‘кремь’, однако на с. 41 *чэку:р* ‘кремь’”.

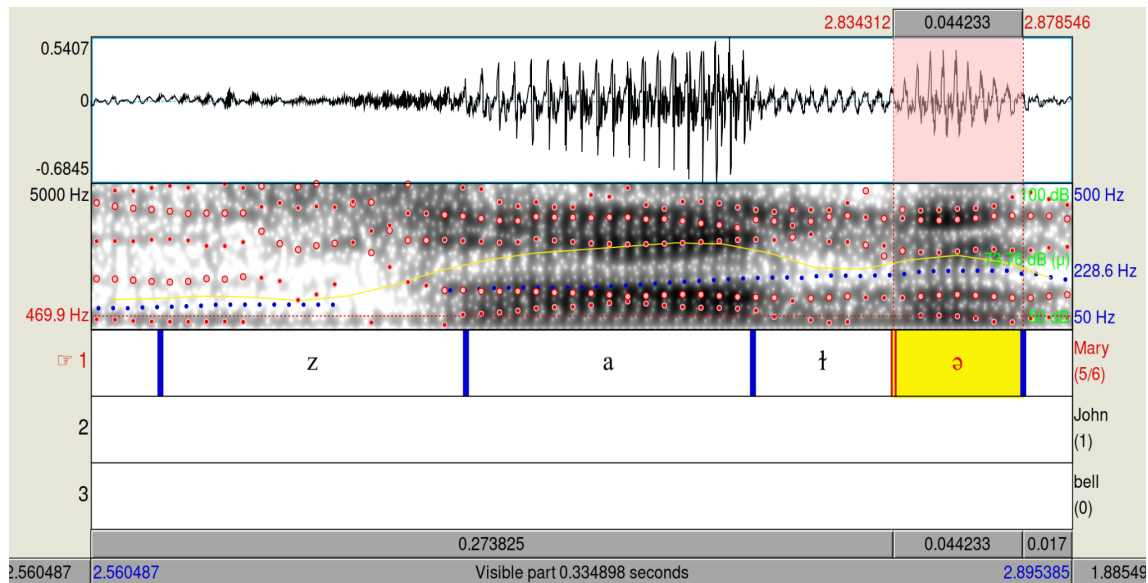


Рис. 11. *zaɬə* ‘мужчина’
[Fig. 11. *zaɬə* ‘man’]

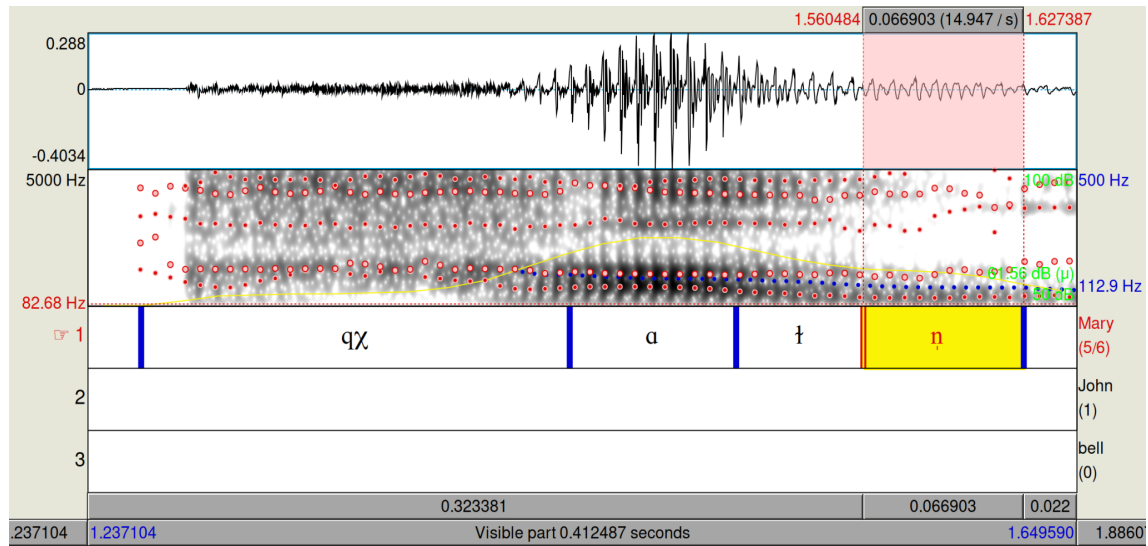


Рис. 12. *qɣaɬn* ‘теплый’
[Fig. 12. *qɣaɬn* ‘warm’]

палатализирующей позиции¹. Правда, другая особенность поведения *ʃ в цаатанском — спорадический переход в *ʃ* перед сохранившимся *i* — у сарт-калмыков не наблюдается. Надо отметить, что, вопреки цитированному в [Борлыкова, Меняев 2020: 62] мнению Дондукова о невозможности объяснить сарт-калмыцкое чоканье киргизским влиянием, все-таки такая возможность остается: при довольно сильном воздействии кир-

гизского языка (около 10 заимствований в 110-словном списке Сводеша по нашим материалам) на современный сарт-калмыцкий и при отсутствии в киргизском оппозиции шипящей и свистящей аффрикаты (только шипящая) развитие чокания ожидаемо.

3.2.3. Рефлексация *j

*j ведет себя в нашем материале практически так же, как в любых калмыцких диалектах: в палатализирующей позиции это аффриката *ɟʃ*, в непалатализирующей — фрикативный *ʒ*. В ойратских диалектах Монголии наблюдается более разнообразная картина. В баитском и хотонском диалектах в

¹ По мнению Р. Алимова, [ts] встречается только в заимствованиях из русского языка [Alimov 2014: 250]. В записях на сайте Австрийской академии, действительно, встретилось [ts] в слове *центр*.

непалатализирующей позиции встречается аффриката *dz*. В дербетском и дзахчинском аффрикатный рефлекс также встречается в части говоров. Согласно Ю. Цэндээ [Цэндээ 2012: 26], *z*-рефлекс из говоров ойратов Синьцзяна встречается только у торгутов и олетов, тогда как в остальных говорах — *dz*. В литературе отрицается наличие свистящей звонкой аффрикаты у каракольских калмыков, однако интересно, что в видеозаписях, размещенных на сайте Австрийской академии наук «Vanishing languages and cultural heritage» [Karakol Kalmyk] — материалы собраны проф. Теде Каль и Чингисом Азыдовым в 2023 г., причем у той же информантки, которая работала с нами, — проскальзывают аффрикатные реализации в качестве свободного варианта в соответствии с **j* в непалатализирующей позиции (см. рис. 13).

3.2.4. Переход **j* > *j*-

Отмечается, что в нескольких словах начальный **j*- переходит в сарт-калмыцком в глайд *j*-. В нашем материале все эти слова произносятся с *z*-, кроме одного: *ja:sən* ‘рыба’ (< **j*hasun). У ойратов Монголии, по нашим источникам, не обнаружено. Отмечается для цаатанского [Убушаев 2006: 26] и для олетов Синьцзяна [Борлыкова, Меняев 2020: 65].

3.2.5. Переход -*ʃ*-, -*nʲ*- > *j*

Палатализованные *ʃ*, *nʲ* в интервокальной позиции переходят в глайд *j*: *tojə* ‘зеркало’ (< **tolui*), *sojən* ‘интересный’ (< **sonin*) Т, Я. В диалектах монгольских ойратов переход не отмечен. Не отмечен он и в известных нам описаниях цаатанского подговора торгутского [Убушаев 2006: 25–29; Убушаев 1979; Убушаев 1970: 173]. Согласно Ю. Цэндээ [Цэндээ 2012: 41, 101], данный переход встречается sporadически в разных ойратских диалектах (в том числе в торгутском), но чаще всего у алтайских урянхайцев и у олетов Синьцзяна: *šijəw* ‘голень’ (**silbe*), *bojəx* ‘становиться’ (**bol*-), *uja:sən* ‘тополь’ (**(h)ulihasan*). При этом Ю. Цэндээ отмечает переход и не в интервокальной позиции (правда, без уточнения диалекта): *öjmā* ~ *ölmā* ‘стопа, мысок’ (**ölmij*), *keldəg* ~ *kejdəg* ‘говорит’.

3.2.6. Рефлексация **k*

Определенное внимание авторы уделяют качеству рефлексов **k* в заднерядном и переднерядном вокалическом окружении. Из нашего материала очевидно, что увулярные глухие в начальной позиции демонстрируют свободное варьирование между увулярным щелевым и увулярной аффрикатой (*χorχá*: **korkai* ‘червяк’; *χátən*, *qχatən* ‘теплый’ (**kalahun*)) и только увулярный щелевой — в интервокальной и постконсонантной позиции (*nəχa* ‘собака’ **nokai*, *tolχá*: **tolugai* ‘голова’, *kʰutχo*: ‘нож’ **kituga*) **k* перед старым **i* дает велярный придыхательный в начале слова и непридыхательный в интервокале (*kʰutχo*: ‘нож’, *kʰumsəŋ* ‘ноготь’ Т (**kimusun*), *taka*: ‘курица’).

В переднерядном окружении начальная **k*- выступает как велярный придыхательный в начале слова (*kʰitən* ‘холодный’ (**köjiten*, калм. *kītən*), *kʰəl*, *kʰəlyŋ* ‘нога’ (**köl*), *kʰelʲ*, *kʰelʲən* ‘язык’ (**kilen*)) и как простой велярный взрывной в интервокальной позиции (*ekə* ‘мать’ (**eke*), *ukʰr* ‘корова’ (**hüker*)). В переднерядном слове, где ряд стал передним из-за умлаута и вторичного сингармонизма, бывшая начальная увулярная выступает как велярная щелевая (*χənyŋə* ‘баран-Асс’, **konin*).

3.2.7. Рефлексация **g*

Что касается рефлексов **g*, то в начале заднерядного слова рефлекс **g* характеризуется не звонкостью, а непридыхательностью (малой длительностью фрикативного шума между разрывом смычки и началом следующей гласной), ср. выше спектрограммы на рис. 9 ‘три’ и 12 ‘теплый’, ниже 14 ‘земля’.

В переднерядных словах начальное **g*- реализуется как велярный звонкий взрывной (см. рис. 15).

В интервокальной позиции и в переднем, и в заднем ряду рефлекс **g* - звонкие фрикативные, причем заднерядный выступает в основном как увулярный *ɣ*, а передний — как звонкий ларингальный *ɦ*. На границе морфемы («вставное г») и увулярный, и велярный звонкие реализованы как непридыхательные взрывные.

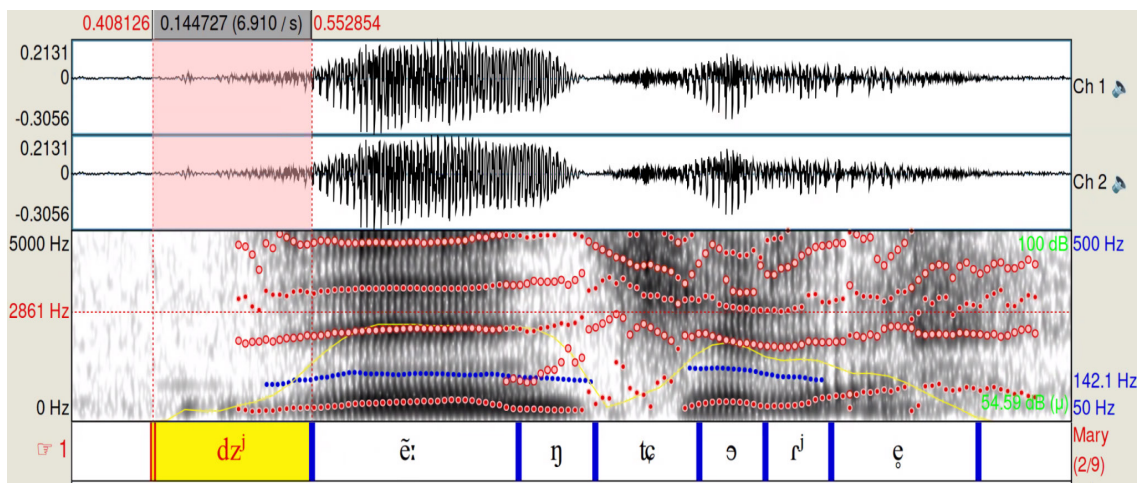


Рис. 13. *ɖʒjɛ:ŋtɕɐrjɛ* ‘правнуки’
[Fig. 13. *ɖʒjɛ:ŋtɕɐrjɛ* ‘great-grandchildren’]

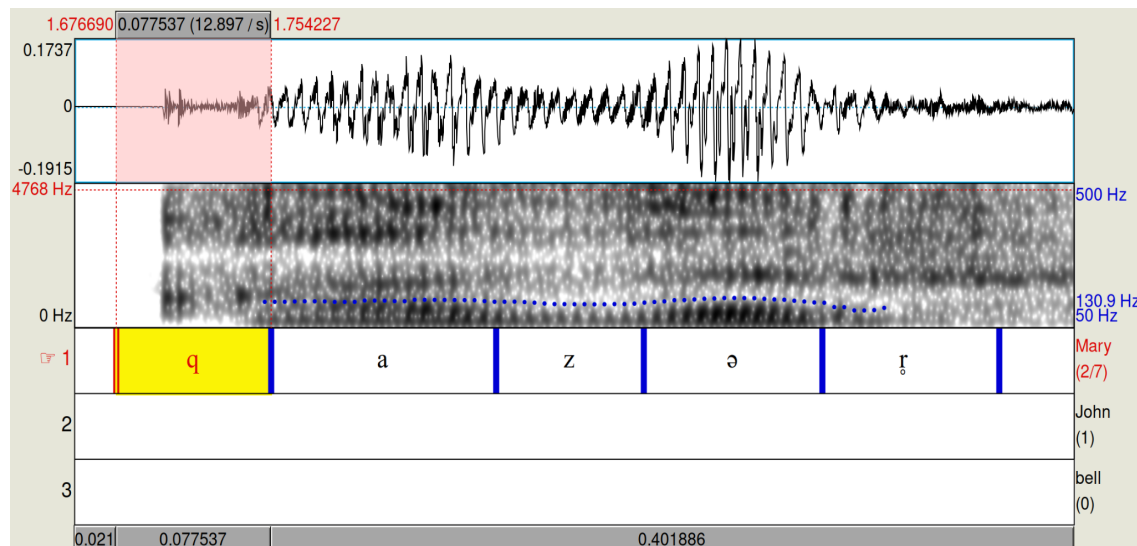


Рис. 14. *qazər* ‘земля’
[Fig. 14. *qazər* ‘land’]

3.2.8. Оглушение увулярного (фрикативизация) после *l*

В сарт-калмыцком наблюдается явление, ранее отмеченное для бузавского говора, а именно, оглушение увулярного (фактически фриктивизация) после *l*: *tolχá* ‘голова’ (**tolugai*). В ойратских диалектах Монголии наблюдается значительная вариативность рефлексов данного слова: *tolga:* (дербетский, баитский, хотонский), *tolxa:* (дзахчинский, торгутский, урянхайский, олетьский), *tolgaɛ* (дербетский), *tolxai* (дзахчинский, урянхайский), *tolxa*, *tolxai* (дзахчинский, мянгатский) [Цолоо 1988: 819]

4. Выводы

Итак, в статье рассмотрены основные фонетические диагностические признаки,

характеризующие диалект каракольских калмыков, проживающих в Кыргызстане, в сравнении с другими калмыцкими и некоторыми ойратскими диалектами и говорами. Выявлены значения этих признаков на современном материале (собственном полевом материале авторов); проведено сопоставление с иногда противоречивыми описаниями, содержащимися в литературе. Устанавливается ряд фонетических распределений для действия правил переходов от общемонгольского состояния к состоянию, задокументированному для диалекта. Инструментальный акустический анализ в ряде случаев позволил подтвердить или оспорить слуховое впечатление различных исследователей диалекта. Классификационная специфическая близость диалекта к говору калмыков-цаатанов

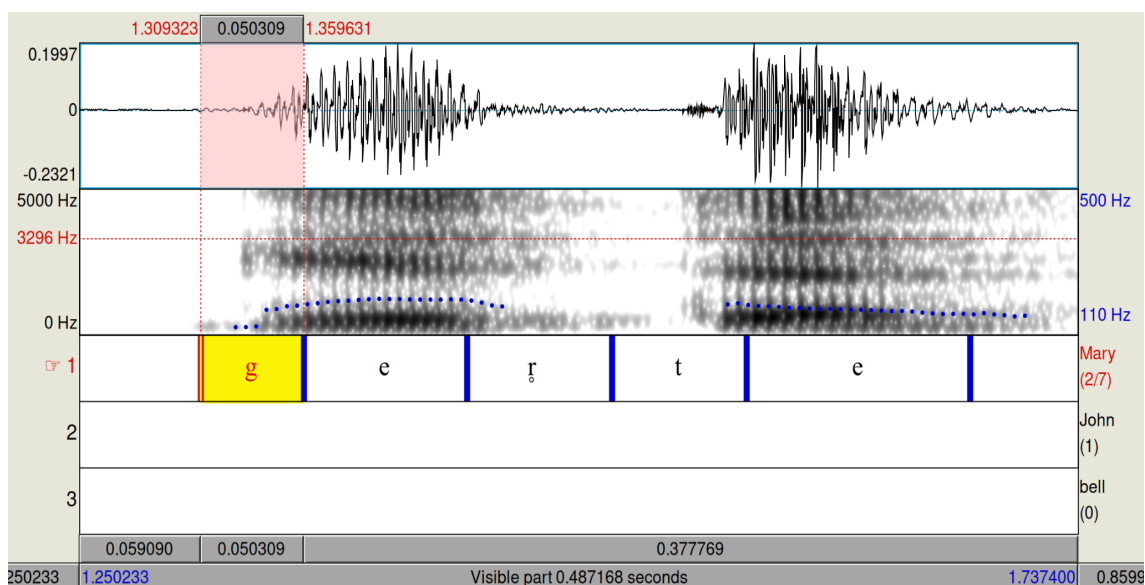


Рис. 15. *ger te 'в доме'
[Fig. 15. *ger te '[at] home']

* Звонкость на спектрограмме демонстрируется наличием синей точечной линии («голоса») на интервале произнесения согласной. На рис. 9, 13, где рефлексы начальных звонких представлены в заднерядных словах, таких линий на протяжении согласной нет, они начинаются с началом вокалического отрезка.

пока подтверждается по трем параметрам (чокание, правило умлаута, спорадическое отражение *j- как [j]), и не подтверждается по параметру рефлексии *ai#. Специфической близости к олетьским говорам Монголии в доступном нам материале не наблюдается (редукция долгой огубленной в первом слоге свойственна далеко не только олетьским говорам, как и развитие *i > o перед *ahu); впрочем, сами эти доступные данные крайне разнородны. В [Борлыкова, Меньев 2020: 63, 65] упоминается о специфической близости к части торгутских Синьцзяна по чоканию, а также о специфической близости к олетьским Синьцзяна по различению огубленных редуцированных (но, как справедливо замечено в [Alimov 2014: 248]

об этой черте и чокании в отношении близости с цаатанами, все это может расцениваться как архаические черты и потому не может служить доказательством особой генеалогической близости), переходу *bn > mn (в нашем материале не наблюдается), переходу *li, *ni в [j]; и все это по личным полевым материалам авторов. К сожалению, сколько-нибудь релевантные материалы по олетьским Синьцзяна пока нам недоступны. Окончательное решение и вообще основанная на лингвистических признаках классификация говоров за пределами Калмыкии могут быть получены только после фонетического обследования других диалектов калмыцкого и ойратского языков по признаковой матрице, примененной здесь.

Сокращения

баит. — баитский

буз. — бузавский

дерб. — дербетский

дзах. — дзахчинский

ики-дерб. — ики-дербетский

калм. — калмыцкий

кирг. — киргизский

лит. — литературный [калмыцкий язык]

олет. — олетьский

ПМА — полевые материалы авторов

торг. — торгутский

урян. — урянхайский

хотон. — хотонский

цаат. — цаатанский

сарт. — диалект сарт-калмыков (каракольский)

Список информантов

А — Алымбаев Рыскелди Алымбаевич, с. Берию-Баш, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 К — Кыдырбаева Гульзапа Курбаналиевна, с. Челпек, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 Т — Тарбатова Дуйшекан Ахтемовна, с. Берию-Баш, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 Тек — Текебаев Абдыбек Текебаевич, с. Челпек, Иссык-Кульская область, Кыргызстан
 Я — Якубов Сабыр Садырович, с. Челпек, Иссык-Кульская область, Кыргызстан

Литература

Баттулга 2019 — *Баттулга С.* Өөлдийн аман аялгуу. Улаанбаатар: Бемби сан, 2019. 447 х.

Борлыкова, Меньев 2020 — *Борлыкова Б. Х., Меньев Б. В.* О некоторых фонетических особенностях сарт-калмыцкого языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 4. С. 58–66. DOI: 10.31857/S241377150009741-8

Бурдуков 1935 — *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарт-калмаки) // Советская этнография. 1935. № 6. С. 47–79.

Дондуков 1973 — *Дондуков У.-Ж. Ш.* Некоторые языковые особенности говора иссык-кульских сарт-калмыков (ойратов) в сравнительном освещении с монгольскими и киргизским языками // Олон улсын монголч эрдэмтний II хурал. I б. Улаанбаатар, 1973. С. 166–172.

Дондуков 1975 — *Дондуков У.-Ж. Ш.* О некоторых языковых особенностях иссык-кульских калмыков // Проблемы алтаистики и монголоведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 216–233.

Павлов 1990 — *Павлов Д. А.* Каракольские калмыки и их язык. Элиста: КалмГУ, 1990. 64 с.

Тенишев 1976 — *Тенишев Э. Р.* О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. №1. С. 82–87.

Убушаев 1970 — *Убушаев Н. Н.* Некоторые особенности цаатанского подговора // 320 лет старокалмыцкой письменности. Элиста: Респ. типография, 1970. С. 167–177.

Убушаев 1979 — *Убушаев Н. Н.* Фонетика торгутского говора калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 194 с.

List of informants

Ryskeldi A. Alymbaev. Beryu-Bash (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Gulzapa K. Kydyrbaeva. Chelpek (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Duyshekan A. Tarbatova. Beryu-Bash (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Abdybek T. Tekebayev. Chelpek (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).
 Sabyr S. Yakubov. Chelpek (Issyk-Kul Region, Kyrgyzstan).

References

Battulga S. Olot Dialect of Ulaanbaatar: Bembi san, 2019. 447 p. (In Mong.)

Borlykova B. H., Menyaev B. V. About some phonetic features Sart-Kalmyk language. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2020. Vol. 79. No. 4. Pp. 58–66. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150009741-8

Burdukov A.V. Karakol Kalmyks (Sart-Kalmaks). *Sovetskaya etnografiya*. 1935. No. 6. Pp. 47–79. (In Russ.)

Dondukov U.-Zh. Sh. Some features of Issyk-Kul Sart-Kalmyk (Oirat) in comparison to Mongolian and Kyrgyz. In: Second International Conference of Mongolists. Vol. 1. Ulaanbaatar, 1973. Pp. 166–172. (In Russ.)

Dondukov U.-Zh. Sh. On some features of Issyk-Kul Kalmyk. In: Issues of Altaic and Mongolian Studies. Moscow: Nauka – GRVL, 1975. Pp. 216–233. (In Russ.)

Pavlov D. A. Karakol Kalmyks and Their language. Elista: Kalmyk University, 1990. 64 p. (In Russ.)

Tenishev E. R. On Issyk-Kul Kalmyk. *Voprosy Jazykoznanija*. 1976. No. 1. Pp. 82–87. (In Russ.)

Ubushaev N. N. Some features of Tsaatan Kalmyk. In: Celebrating the 320th Anniversary of Old Kalmyk Script. Elista, 1970. Pp. 167–177. (In Russ.)

Ubushaev N. N. Phonetics of Torghut Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 194 p. (In Russ.)

- Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: КИГИ РАН, 2006. 255 с.
- Цолоо 1988 — *Цолоо Ж.* БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. II Ойрад аялгуу. Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх ухааны академийн Хэл зохиолын хүрээлэн, 1988. 944 с.
- Цэндээ 2012 — *Цэндэ Ю.* Ойрад аялгууны хэл зүй. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2012. 256 с.
- Яхонтова 1996 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.
- Alimov 2014 — *Alimov R.* Sart-Kalmaklar ve dilleri üzerine (= Язык сарт-калмаков. Заметки с места исследования) // *Journal of Endangered languages Turkic Languages*. 2014. Vol. 2. № 4–5. Pp. 243–252.
- Karakol Kalmyk — Karakol Kalmyk // *Vanishing languages and cultural heritage [pecypc]* // <https://www.oeaw.ac.at/vlach/collections/oirat-kalmyk/karakol-kalmyk> (дата обращения: 03.07.2025)
- Poppe 1987 — *Poppe N. N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 300 p.
- Rákos 2015 — *Rákos A.* Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirat Dialects. DD. Budapest, Eötvös Loránd University, 2015. 166 p.
- Somfai-Kara 2012 — *Somfai-Kara D.* Sart-Kalmyk – Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan). In: Ágnes Birtalan (ed.). *Oirat and Kalmyk linguistic Essays*. Budapest, Eötvös Loránd University, 2012. Pp. 197–210.
- Ubushaev N. N. Kalmyk Dialect System. Elista: Kalmyk Institute for Humanities (RAS), 2006. 255 p. (In Russ.)
- Tsoloo J. Dictionary of Local Mongolian Dialects in the MPR. Vol. 2: Oirat Mongolian.. Ulaanbaatar: Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences, 1988. 944 p. (In Mong. and Oir.)
- Tsengde Yu. Grammar of Oirat Mongolian. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2012. 256 p. (In Mong.)
- Yakhontova N. S. Seventeenth-Century Literary Oirat. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996. 152 p. (In Russ.)
- Alimov R. On the Sart-Kalmaks and their language. *Journal of Endangered languages*. 2014. Vol. 3. № 4–5. Pp. 243–252 (In Turk.)
- Karakol Kalmyk. On: Austrian Academy of Sciences (website). Vanishing languages and cultural heritage (VLACH). Available at <https://www.oeaw.ac.at/vlach/collections/oirat-kalmyk/karakol-kalmyk> (accessed: 3 July 2025). (In Eng.)
- Poppe N. N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. 300 p. (In Eng.)
- Rákos A. Synchronic and Diachronic Comparative Analysis of the Oirat Dialects. Budapest: Eötvös Loránd University, 2015. 166 p. (In Eng.)
- Somfai-Kara D. Sart-Kalmyk – Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan). In: Birtalan Á. (ed.) *Oirat and Kalmyk Linguistic Essays*. Budapest: Eötvös Loránd University, 2012. Pp. 197–210. (In Eng.)

